

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ пятнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

9-го Января 1877 года.

№ 2.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1877 г. по 20 коп. (маркамъ).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— № 71. 3-го—28-го сентября 1876 г. О состав-
ленныхъ полковникомъ Ильинымъ книгахъ, учебныхъ гео-
графическихъ атласахъ и стѣнныхъ географическихъ
картахъ. Св. Правит. Синодъ слушалъ предложеніе г.
товарища Синодальнаго Оберъ-Прокурора, № 212, съ жур-
наломъ Учебнаго Комитета, о представленныхъ полк. А.
Ильинымъ книгахъ, учебныхъ географическихъ атласахъ и
стѣнныхъ географическихъ картахъ, изданныхъ въ его
картографическомъ заведеніи.

Изъ представленныхъ Ильинымъ учебныхъ пособій Ко-
митетъ полагаетъ, согласно отзыву Ученого Комитета мини-
стерства народнаго просвѣщенія, одобрить слѣдующія: восемь
стѣнныхъ картъ (Азіи, Африки, Сѣверной Америки, Южной
Америки, всѣхъ частей свѣта и Австраліи, западнаго и во-
сточнаго полушарія и Европейской Россіи) для класнаго
употребленія въ мужскихъ духовныхъ и епархіальныхъ жен-
скихъ училищахъ, и восемь сочиненій разныхъ авторовъ, а
именно: 1) Земля—Реклю; 2) Воздушныя путешествія; 3)
Новая Зеландія и Океанія или острова южнаго моря; 4)
Альпійскій міръ—Чуди; 5) Звѣздное небо; 6) Статисти-
ческое обозрѣніе Россійской Имперіи—де Ливрона; 7) Опытъ
статистическаго атласа Россійской Имперіи, и 8) Матеріалы
для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край—Риттиха (всѣ
изданія Ильина) для фундаментальныхъ библіотекъ духов-
ныхъ семинарій и училищъ. П р и к а з а л и: заключеніе
Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія правленіямъ
духовныхъ семинарій и училищъ и совѣтамъ епархіальныхъ
женскихъ училищъ, сообщить о семъ установленнымъ поряд-
комъ, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета.

— № 75. 22-го сентября—12-го октября 1876 г.
О производствѣ испытаній для лицъ, желающихъ вос-
пользоваться льготами по воинской повинности. Св.
Правит. Синодъ слушалъ: предложеніе г. и. должность Св.
подальнаго Оберъ-Прокурора, съ отношеніемъ военнаго ми-
нистра за № 6,018, въ коемъ изъяснено Высочайше утвер-
жденное 29-го мая—10-го іюня сего года мнѣніе государ-
ственнаго совѣта (распубликованное въ № 60 «Собранія
указовъ и распоряженій правительства»), которымъ, между
прочимъ, постановлено: предоставить военному министру от-

носительно производства испытаній для лицъ, желающихъ
воспользоваться льготами по сокращенію сроковъ дѣйстви-
тельной службы на основаніи 56-й ст. Уст. о воин. пов.
или поступить на службу въ качествѣ вольноопредѣляющихся,
разъяснить что: а) лицамъ, желающимъ подвергнуться на-
учному испытанію для пріобрѣтенія права на льготу, опре-
дѣленную пунктомъ 2 ст. 56-й, или для поступленія на
военную службу вольноопредѣляющимися II разряда, экзамены
могутъ быть производимы: во-первыхъ, при гимназіяхъ и
реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго
просвѣщенія; при военныхъ гимназіяхъ и при корпусахъ:
нашемъ Его Императорскаго Величества и Финляндскомъ
кадетскомъ—изъ курса шести классовъ сихъ учебныхъ за-
веденій, и во-вторыхъ, при прочихъ учебныхъ заведеніяхъ
II разряда, поименованныхъ въ спискѣ, приложенномъ къ
53-й ст. Уст. о воин. пов., изъ полного курса сихъ заве-
деній, но только въ томъ случаѣ, если производство испы-
таній лицамъ постороннимъ допускается уставомъ заведенія;
б) лицамъ, желающимъ подвергнуться научному испытанію,
для пріобрѣтенія права на льготу, опредѣленную пунктомъ
3 ст. 56-й Уст. о воин. пов., экзамены могутъ быть про-
изводимы, въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ, при всѣхъ
учебныхъ заведеніяхъ II разряда, а также въ уѣздныхъ и
городскихъ училищахъ и въ прогимназіяхъ вѣдомствъ, какъ
министерства народнаго просвѣщенія, такъ и военнаго; в)
сроки и порядокъ производства означенныхъ испытаній опре-
дѣляются, съ объявленіемъ во всеобщее свѣдѣніе, тѣмъ вѣ-
домствомъ, къ составу коего принадлежатъ учебныя заведенія,
и г) право выдачи аттестатовъ, на основаніи пункта 7-го
правилъ для производства испытаній лицамъ, желающимъ
поступить на службу вольноопредѣляющимися III разряда,
принадлежитъ собственно заведеніямъ II разряда, а изъ
заведеній III разряда лишь военно-фельдшерскимъ школамъ,
которыя могутъ выдавать аттестаты только желающимъ слу-
жить въ должности фельдшера въ войскахъ, на основаніи
175-й статьи Устава о воинской повинности. П р и к а з а л и:
Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи дать знать по
духовному вѣдомству, чрезъ напечатаніе въ «Церковномъ
Вѣстникѣ», для чего и сообщить о семъ редакціи сказан-
наго журнала.

— № 1,700. 29-го сентября—15-го октября 1876
года. О правѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій,
окончившихъ курсъ IV класса, поступать въ холмскую

семинарію. Св. Правит. Синодъ слушали предложенный г. и. должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора журналъ Учебнаго Комитета, № 199, по вопросу о томъ, могутъ-ли воспитанники, окончившіе курсъ въ IV классѣ духовныхъ семинарій, поступать, для богословскаго образованія, въ холмскую духовную семинарію. Приказали: Въ холмской православной духовной семинаріи, при трехклассномъ составѣ оной съ одногодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, преподаются, на основаніи дѣйствующаго въ ней особаго устава, какъ предметы общаго образованія, такъ и науки богословскія. Въ прочихъ же православныхъ духовныхъ семинаріяхъ, на основаніи Высочайше утвержденного 14-го мая 1867 г. устава, предметы общеобразовательнаго курса преподаются въ первыхъ четырехъ классахъ, а науки богословскія въ двухъ послѣднихъ специальныхъ классахъ V и VI. Посему за воспитанниками духовныхъ семинарій, окончившими съ успѣхомъ общеобразовательный курсъ въ IV классѣ, нельзя не признать права, по ихъ образованію, на поступленіе въ холмскую духовную семинарію. По сему соображеніямъ Св. Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: дозволить воспитанникамъ духовныхъ семинарій, окончившимъ курсъ въ IV классѣ и удостоеннымъ перевода въ V классъ, поступать въ холмскую духовную семинарію, съ тѣмъ однако, если они удовлетворяютъ другимъ условіямъ, требуемымъ особымъ уставомъ холмской духовной семинаріи. Объ изложенномъ, для свѣдѣнія по духовно-учебному вѣдомству, сообщить циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

Мѣстные Распоряженія.

— **Назначенія.** 24 Декабря, казначей Виленскаго Св.-Духова монастыря, іеромонахъ *Ираклій*, назначенъ намѣстникомъ Пожайскаго монастыря, а казначей Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря, іеромонахъ *Варсонофій*, назначенъ казначеемъ Виленскаго Св.-Духова монастыря.

Мѣстные Извѣстія.

— **Преподаніе архипастырскаго благословенія.** По постановленію консисторіи, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 22 Декабря, за пожертвованія, на устройство ограды вокругъ Александрo-Слободской церкви, Ковенскаго уѣзда, сдѣланный председателемъ мѣстнаго приходскаго попечительства, мировымъ судьей г. Наказнымъ и мѣстными прихожанами, объявлена—первому признательность епархіальнаго начальства, а послѣднимъ—благословеніе Его Высокопреосвященства; 28 Декабря, преподано архипастырское благословеніе Его Высокопреосвященства за усердіе къ устройству мѣстной приходской церкви прихожанамъ Вѣженской церкви, Пружанскаго уѣзда, и мѣстному священнику Петру Котовичу.

— **Отъ Виленскаго Свято-Духовскаго Братства.** Виленское Св.-Духовское Братство получило изъ Черниговскаго епархіальнаго свѣчнаго завода большую партію восковыхъ золоченныхъ и незолоченныхъ, чистаго воску, свѣчей, разной величины и вѣсу—отъ 80 свѣчей на фунтъ до 6 фунтовъ одна свѣча. Есть большія діакоискія и братскія (послѣднія желтаго воску—золочен.) свѣчи. Цѣна свѣчей за 1 лудъ 32 рубля; на фунты по 80 коп. фунтъ. Духовенству, посѣщающему Вильно по служебнымъ и семей-

нымъ дѣламъ, весьма удобно получать означенныя свѣчи изъ братской лавочки и изъ главнаго склада при братствѣ.

— **Вакансіи—Настоятели въ с. Байнахъ—**Пружанскаго уѣзда, *Ляховцахъ—*Врестскаго уѣзда, въ м. *Ильи—*Вилейскаго уѣзда и *Ольшеникахъ—*Трокскаго уѣзда. **Помощники настоятеля въ с. Черессахъ—**Дисненскаго уѣзда. **Псаломщики въ:** г. *Пружанахъ—*при соборѣ, въ с. *Дубинахъ—*Пружан. уѣзда, *Цѣхановцѣ—*Вѣльскаго уѣзда, въ *Вильнѣ—*при каторжно-тюремной церкви, въ с. *Шиловицахъ—*Слонимскаго уѣзда въ м. *Ушполѣ—*Вилкомирскаго уѣзда, въ с. *Рабуняхъ*, и м. *Ильи—*Вилейскаго уѣзда и м. *Индурѣ—*Гроднен. уѣзда.

— **Редакція проситъ всѣхъ невывѣсившихъ подписанныхъ денегъ за истекшіи 1876 г. поспѣшить выслать таковыя.**

— Въ виду значительнаго количества заявленій о перемѣнѣ адресовъ, Редакція проситъ заявившихъ о семъ непременно уведомить, во избѣжаніе запутанности въ пересылкѣ епарх. вѣдомостей, тѣхъ лицъ, чрезъ которыхъ получались ими до сихъ поръ вѣдомости.

— Содержаніе статей за 1876 годъ будетъ приложено къ одному изъ слѣд. №№.

Неофициальный Оbituary.

Александръ Ардалионовичъ Левшинъ.

(Некрологъ).

Надняхъ отошелъ въ вѣчность одинъ изъ усердѣйшихъ братчиковъ Виленскаго Свято-Духовскаго Братства, который послѣдніе восемь лѣтъ неутомимо трудился надъ осуществленіемъ высокихъ задачъ братства,—это А. А. Левшинъ. Покойный прожилъ 73 года и до послѣдняго времени былъ весьма бодръ и дѣятеленъ. Уроженецъ Костромской губ., поступившій на службу въ 1817 г. подпоручикомъ въ Углицкій пѣхотный полкъ, онъ былъ на государственной службѣ долгое время и несъ на себѣ многоразличныя должности. Оставилъ службу въ чинѣ генераль-маіора, имѣя награды св. Георгія 4 ст., Владимира 3 ст. и Станислава 1 ст. Но не эта официальная дѣятельность его останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, а дѣятельность другая—болѣе сосредоточенная, не широкая, но благотѣльная для того круга людей, которые испытывали на себѣ ея дѣйствія. На долю А. А., какъ братчика и члена совѣта братства, выпалъ надзоръ за братскимъ домомъ, гдѣ находятъ себѣ пріютъ бѣдные православные, особенно многосемейные, присоединившіеся къ православію, а равно и такіе, которые принадлежатъ къ семействамъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Опускаемъ хлопоты покойнаго по закрѣпленію этого дома за братствомъ—именно его странствованія по пріемнымъ разнымъ учрежденіямъ, пока дѣло не кончено. Вся его забота была сосредоточена не жильцамъ братскаго дома, на доставленіи имъ, особенно же дѣтямъ ихъ, пищи, одежды, на обученіи ихъ грамотѣ, ремесламъ и особенно первоначальнымъ понятіямъ въ Законѣ Божіемъ. Благодаря своему доброму характеру и выдающейся, чуждой эгоизма, простотѣ отношеній къ людямъ, какого бы званія и состоянія они не были, онъ среди здѣшняго разнообразнаго населенія былъ какъ бы свой человѣкъ, а потому находилъ православныхъ, которымъ нужна была особенная помощь, находилъ людей въ ужасающей нищетѣ и невѣжествѣ, не умиравшихъ даже по латинскому обряду осѣнить себя крестомъ; знае-

его удивленіе подоб. явленію, но знаешь и его заботы объ этихъ лицахъ. Понимая, что подоб. лица могутъ принести съ собою дурныя привычки въ среду, и безъ того разнообразныхъ по своему положенію и направленію, жильцовъ братскаго дома, онъ слѣдилъ за ними неустанно, а главное заставлялъ такихъ изучать молитвы и приучался къ честному труду. — Въ то же время, среди своихъ знакомыхъ, онъ находилъ людей помогавшихъ ему своими средствами и дававшихъ возможность, помимо братства, дѣлать тѣ или др. улучшенія въ жизни дѣтей братскаго дома. Въ 1872 г., благодаря ему и содѣйствію нѣкоторыхъ др. братчиковъ, устроена была въ домѣ дешевая столовая, въ которой бѣдные жильцы дома могли получать обѣдъ за 6 коп.; дѣтямъ же подоб. обѣдъ обходился въ 3 коп. Дѣло было поставлено такъ, что Св.-Духовское братство теряло не это доброе дѣло незначительныя суммы. Благодаря его почину, было обращено также вниманіе на бездомныхъ малолѣтнихъ дѣтей, попадавшихъ подъ покровительство братства; для этихъ дѣтей, въ началѣ числомъ 5-ти а потомъ уже 12-ти, онъ отвелъ, безъ особыхъ затѣй и приспособленій, особую комнату рядомъ съ братскою столовою и квартирою смотрительницы и помѣстилъ ихъ здѣсь, снабдивши, на сколько позволили средства братства, бѣльею, пищею и одеждою; пользуясь всѣмъ даровымъ, эти дѣти обязаны были посѣщать школу. Его особенная любовь къ дѣтямъ, его вниманіе къ нимъ и безпрестанная забота о нихъ были самымъ выдающимся фактомъ въ его дѣятельности по братству: въ молодомъ поколѣніи, въ здоровыхъ началахъ вѣры и нравственности, въ привычкѣ къ полезному труду, усвоенныхъ этимъ поколѣніемъ, онъ видѣлъ счастье его въ будущемъ.

Братская школа составляла также предметъ особенной его заботливости; онъ любилъ ее всею душой, каждый почти день онъ былъ въ ней, слѣдилъ за обученіемъ дѣтей, просяживая въ ней во время уроковъ по цѣлымъ часамъ. Школа шла не безуспѣшно, учащихся было до 40 человекъ, многіе изъ учениковъ ея поступили въ др. учебныя заведенія. Было время, когда ученики братскаго дома около 2 лѣтъ пѣли на клиросѣ въ Пречистенскомъ соборѣ. Бѣднѣйшіе ученики школы пользовались даровымъ обѣдомъ и одеждою отъ братства, нѣкоторые обучались сапожному и столярному мастерствамъ, а дѣвочки рукодѣлю.

Бѣдные жильцы дома, дѣти, всѣ испытавшіе на себѣ его добросердечіе и участіе и вообще всѣ знавшіе его относились съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью къ нему. Онъ былъ не замѣнимъ на своемъ мѣстѣ — и любилъ свое дѣло, такъ сказать, по идѣ.

Покойный А. А. Левшинъ былъ также членомъ и казначеемъ, такъ называемаго „Общества ревнителей православія въ сѣверо-западномъ краѣ“ и здѣсь трудился на столько, на сколько позволяли средства, задачи и обстоятельства общества.

Въ послѣдній годъ постигшая его болѣзнь оторвала его отъ дѣятельности по братству, тѣмъ не менѣе онъ живо интересовался его дѣлами.

29 минувшаго Декабря, онъ мирно скончался. Еще при жизни, онъ высказывалъ желаніе быть отпѣтымъ въ любимомъ имъ Пречистенскомъ соборѣ. 30 Декабря, заукойную обѣдню и отпѣваніе совершилъ въ холодной церкви собора, преосвященнѣйшій Евгеній, епископъ Ковенскій. Къ отпѣванію покойнаго собралось много духовенства и много почитателей памяти его. Вообще похороны А. А. Левшина, по участію духовенства и народа, принадлежать къ весьма рѣдкимъ явленіямъ въ

Вильнѣ. Миръ праху твоему честный дѣятель на пользу православнаго русскаго дѣла!

Рѣчь при отпѣваніи братчика Виленскаго православнаго Свято-Духовскаго Братства, отставнаго генералъ-маіора Александра Ардаліоновича Левшина.

Почившій о Господѣ братъ нашъ!

Послѣ нѣкотораго замѣтнаго отсутствія твоего при Богослуженіяхъ въ семъ любимомъ тобою св. храмѣ, ты снова явился сюда, но явился не въ томъ видѣ и не въ той обстановкѣ, въ какой мы привыкли видѣть и встрѣчать тебя здѣсь. Мы всегда видѣли тебя здѣсь окруженнымъ дѣтьми братскаго дома, которыхъ ты, какъ ангелъ хранитель, неопустительно приводилъ сюда и отводилъ назадъ домой, несмотря на время дня и года и воздушныя перемѣны; мы видѣли тебя здѣсь, среди этихъ дѣтей, слѣдившимъ за чиннымъ и благоговѣйнымъ ихъ присутствіемъ, подобающимъ дому Божию, и собою подававшимъ высокій образецъ любви и благоговѣнія къ св. храму и совершаемому въ немъ богослуженію; мы видѣли здѣсь твою особенную заботливость о сихъ дѣтяхъ, когда они приступали къ св. чашѣ Тѣла и Крови Господа Спасителя, — ты неотступно находился тогда при каждомъ изъ нихъ, наблюдая, дабы этотъ высочайшій христіанскій долгъ выполненъ былъ ими такъ, какъ требуетъ того высота и святость таинства; мы видѣли тебя здѣсь, какъ ты, несмотря на преклонныя твои лѣта и твой высокій чинъ, нерѣдко поднималъ на свои руки многихъ изъ дѣтей, дабы дать имъ возможность приложиться къ св. Евангелію или св. иконѣ; мы часто видѣли тебя здѣсь при совершеніи св. обряда присоединенія иновѣрцевъ къ православною церкви, въ качествѣ свидѣтеля, но свидѣтеля такого, который не опускалъ изъ виду присоединившагося и слѣдилъ, на сколько возможно было, за исполненіемъ имъ правилъ православной церкви; мы видѣли тебя не здѣсь впрочемъ, но недалеко отсюда, въ госпитальной усыпальницѣ, проливающимъ слезы надъ безвременно умершими дѣтьми братскаго дома, — къ отпѣванію которыхъ ты являлся съ сверстниками почившихъ.

Такимъ именно мы привыкли видѣть тебя въ этомъ храмѣ. — Настоящее же твое появленіе въ немъ необычно для насъ; надъ тобою совершилось таинство смерти, которую ты встрѣчалъ такъ безстрашно, избѣгая бесѣды о ней съ посѣщавшими тебя во время болѣзни; ты лежишь въ тѣсномъ гробѣ, безмолвный и неподвижный, окруженный сонмомъ священнослужителей и во главѣ ихъ преосвященнѣйшаго архіепископа, посѣщившихъ сюда воздать тебѣ долгъ любви и уваженія къ твоей благотворной дѣятельности на пользу правосл. церкви и ближнихъ и облегчить загробный путь твой ко Господу своими молитвами, — ты явился сюда окруженный дѣтьми, сродниками и многими почитателями твоей памяти.

Бл. собраніе! Еще нѣсколько минутъ и предстояшій гробъ сокроетъ изъ нашихъ глазъ дорогаго человека, котораго дѣятельность въ нашей православной средѣ была посвящена христіанской заботливости и матеріальномъ устройствѣ быта и о воспитаніи въ духѣ вѣры и добрыхъ правилъ безпомощныхъ семействъ, особенно же дѣтей, условіями жизни обреченныхъ, можно сказать, на безвыходное положеніе, невѣжество и грубость нравовъ. Свободный отъ долговременной, разнообразной и многотрудной служебной, такъ ска-

затѣ, официальной дѣятельности, покойный вступилъ въ число членовъ здѣшняго Св.-Духовскаго братства и всей душой предался сродной его сердцу дѣятельности, налагаемой на него высокимъ званіемъ братчика, которымъ онъ дорожилъ чрезвычайно; много въ этой его дѣятельности добраго, утѣшительнаго, и достойнаго подражанія! Особенно достойна памяти его любовь къ несчастнымъ и къ бѣднякамъ многогосемейнымъ, за которыхъ онъ много и не безъ успѣха хлопоталъ предъ братствомъ, устроилъ, по возможности, ихъ бытъ, дѣтей заставлялъ учиться въ любимой имъ братской школѣ, заботясь прежде всего объ изученіи ими начатковъ Закона Божія, о которыхъ они весьма часто неимѣли, можно сказать, никакого понятія; благодаря его заботливости нѣкоторые изъ дѣтей—поступили въ гражданскія и военныя гимназіи, въ реальное училище и въ др. учебныя заведенія.

Вѣримъ и надѣмся, что добрыя дѣла совершенныя имъ пойдутъ вслѣдъ за нимъ въ загробный міръ (Апокал. 14 гл. 13 ст.); вѣримъ и надѣмся, что Тотъ, Кто сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ мementi—Мнѣ сотвористе* (Ев. Матѣ. 25 гл.),—упокоитъ его отъ трудовъ, понесенныхъ для блага меньшихъ братій, въ царствѣ праведныхъ.

Дадимъ же, бр., послѣднее цѣлованіе почившему о Господѣ рабу Божию Александру, благодаряще Бога за пройденный имъ многотрудный путь христіанской жизни и смерти и моля Его объ упокоеніи души его со святыми. Аминь.

Протоіерей Пречистенскаго Собора *Іоаннъ Котосичъ*.

Плакидъ Гавриловичъ Янковскій *).

(John of Dycalp).

Подъ актомъ полоцкаго церковнаго собора, состоявшимся 12 февраля 1839 г. и упразднившимъ въ западныхъ нашихъ губерніяхъ унию, послѣ первоприсутствовавшаго на соборѣ, литовскаго епископа Іосифа Сѣмашко (впослѣдствіи митрополита), осмнадцатымъ стоитъ имя, поставленное въ началѣ этой статьи. Уніатскій соборный протоіерей, ассесоръ литовской (виленской) консисторіи, Плакидъ Янковскій подписался подъ соборнымъ постановленіемъ, упразднившимъ унию, послѣ протоіеря Іоанна Щенсовича. Выше его находятся нѣкоторыя имена, получившія большую извѣстность послѣ упраздненія униі. Таковы были, кромѣ самого Іосифа Сѣмашко,—Василій Лужинскій, епископъ оршанскій (нынѣ архіепископъ и членъ св. синода), Антоній Зубко, епископъ брестскій (нынѣ архіепископъ, живущій на покой въ Ковнѣ), соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ (впослѣдствіи архіепископъ минскій, нынѣ живущій на покой въ м. Жировицахъ) и ректоръ литовской семинаріи Фердинандъ (Ипполитъ) Гомолицкій. Плакидъ Янковскій такой извѣстности не имѣлъ: онъ былъ и оставался до самой смерти православнымъ протоіереемъ, сначала въ Жировицахъ, мѣстечкѣ слонимскаго уѣзда, гродненской губерніи, потомъ въ Вильнѣ и Бѣлавицахъ, а затѣмъ опять въ Жировицахъ, гдѣ онъ прожилъ на покой, въ качествѣ заштатнаго священника, послѣдніе годы своей жизни. Но этотъ никому неизвѣстный въ Россіи протоіерей пользовался большою извѣстностію въ польской литературѣ, какъ писатель, из-

вѣстный подъ псевдонимомъ John'a of Dycalp'a ¹⁾. Православный протоіерей и одновременно извѣстный польскій писатель,—явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ! Оно одно, надѣмся, обратитъ вниманіе читателя на личность Янковскаго, замѣчательную, между прочимъ, и въ исторіи далеко еще не разъясненныхъ русско-польскихъ отношеній. Какъ увидитъ читатель, Янковскій былъ не чужой и въ русской литературѣ. Во время нашего пребыванія въ Вильнѣ (1866—1868) намъ пришлось находиться съ нимъ въ довольно близкихъ, хотя и заочныхъ, отношеніяхъ; памяти его посвящается настоящій очеркъ.

Плакидъ Гавриловичъ Янковскій родился 20 сентября 1810 года въ деревнѣ Войской (Woiskei), брестскаго уѣзда, гродненской губерніи, гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Родъ свой покойный протоіерей производилъ изъ Польши, изъ Мазовіи, гдѣ и до сихъ поръ распространена фамилія Янковскихъ, столько же польская, сколько малороссійская и бѣлорусская. Гавриилъ Янковскій, отецъ протоіеря, сначала служилъ подъ знаменами Костюшки, въ чинѣ поручика. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, онъ поселился въ брестскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ сказано, принялъ духовный санъ, переходившій въ фамиліи Янковскихъ наследственно, отъ отца къ сыну. Уже одна эта наследственная принадлежность къ уніатскому клиру, кажется, должна свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи Янковскихъ. У Гавриила Янковскаго было четверо дѣтей: сыновья Иванъ и Плакидъ, и дочери Анна и Екатерина. Впослѣдствіи Иванъ Янковскій, за принадлежность къ обществу филаретовъ, былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ и умеръ. Анна Янковская была за мужемъ за священникомъ Скальскимъ, а сестра ея за профессоромъ (впослѣдствіи ректоромъ) литовской семинаріи, уже упомянутымъ Ипполитомъ (Фердинандомъ) Гомолицкимъ, однимъ изъ крупныхъ дѣятелей при упраздненіи униі. Первоначальное образованіе Плакидъ Янковскій получилъ въ домѣ своего отца, гдѣ онъ прожилъ до 8-ми лѣтъ. По достиженіи этого возраста, его отдали на годъ въ свислочскую гимназію, откуда перевели въ брестскую базилианскую (уніатскую) школу, бывшую на правахъ тогдашнихъ русскихъ гимназій; но, по сознанію покойнаго протоіеря, обязанный своимъ нравственнымъ развитіемъ „наилучшему изъ отцовъ“, изъ этихъ школъ онъ вынесъ крайне мало. Онъ окончилъ курсъ въ брестской школѣ въ 1824 году и весь слѣдующій годъ провелъ дома, въ совершенной праздности. Въ 1826 г. онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ такъ называемую главную семинарію, существовавшую при виленскомъ университетѣ (съ 1804 г.), въ качествѣ богословскаго факультета для католиковъ и уніатовъ, откуда вышли всѣ знаменитые дѣятели по упраздненію униі. Окончивъ курсъ въ 1830 г. магистромъ богословія, Янковскій въ томъ же году поступилъ профессоромъ этого предмета въ литовскую семинарію, находившуюся тогда въ мѣстечкѣ Жировицахъ, гдѣ была тогда и уніатская консисторія. Семинарія эта была открыта въ 1828 году, при старыхъ уніатскихъ порядкахъ, еще далекихъ отъ воссоединенія съ православіемъ. Но въ 1830 г., послѣ ревизіи, произведенной епископомъ Сѣмашкой, она была совершенно преобразована, съ цѣлію подготовленія къ этому воссоединенію.

*) Изъ журнала „Древняя и Новая Россія“ 1875 г.

¹⁾ John—Иванъ, или Янъ; Dycalp—анаграмма имени Плакидъ.

Стало быть, Янковскій, вступая на службу въ это училище, зналъ о характерѣ предстоящей ему дѣятельности. Въ 1831 г. первый польскій мятежъ и свирѣпствовавшая въ гродненской губерніи холера разогнали учениковъ и учителей жировицкой семинаріи. Молодой Янковскій отправился въ Вильну, гдѣ на досугѣ хотѣлъ заняться составленіемъ диссертации на степень доктора; но скудный запасъ его средствъ вскорѣ истощился, и онъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Къ счастью, въ немъ принялъ горячее участіе профессоръ Довгардъ, доставившій ему мѣсто домашняго учителя въ Вѣлоруссіи, именно въ мотилевской губерніи, у маршалка (дворянскаго предводителя) Чудовскаго. Въ просвѣщенной семьѣ этого помѣщика, въ имѣніи Низахъ (Nizzach), чериковскаго уѣзда, онъ провелъ десять мѣсяцевъ, считая это время самымъ пріятнѣйшимъ въ своей молодости. „Я провелъ это время,—говоритъ Янковскій въ своихъ краткихъ запискахъ, составленныхъ имъ для дѣтей,—едва ли не съ большею пользою для себя, чѣмъ для тѣхъ, которыхъ долженъ былъ учить“. Къ 1831 году, кажется, должно отнести полученіе имъ степени доктора богословія; въ краткихъ выпискахъ, сдѣланныхъ для насъ родными Янковскаго изъ упомянутой его автобіографіи, которыми мы пользуемся и которыми пользовался также г. Крашевскій, написавшій статью о Янковскомъ въ варшавскомъ „Иллюстрированномъ Ежегодникѣ“ (Tygodnik Ilustrowany), 1873 г., №№ 285 и 286, этого нѣтъ, какъ нѣтъ ничего и о другихъ замечательныхъ событіяхъ его жизни, напр. о времени, предшествовавшемъ упраздненію униі. Въ 1832 г. Янковскій возвратился въ Жиговицы къ своей должности и къ избранницѣ своего сердца, Еленѣ Тупальской, на которой онъ вскорѣ и женился. Въ томъ же 1832 г. онъ принялъ и священство, т. е. въ ту пору, когда вопросъ объ упраздненіи униі былъ уже рѣшенъ въ принципѣ, чего не могъ не знать молодой профессоръ ни по своему служебному положенію, ни по своимъ отношеніямъ къ поборникамъ упраздненія. Во время первой ревизіи литовской (жировицкой) семинаріи Сѣмашкой (1830 г.) ректоромъ ея былъ Антоній Зубко, а предсѣдателемъ литовской консисторіи Антоній Тупальскій. Епископъ нашелъ семинарію въ отличномъ состояніи и главными виновниками ея процвѣтанія назвалъ этихъ двухъ лицъ. О. Моршкитъ, историкъ воссоединенія, называетъ жировицкую семинарію „главною мастерскою, главнымъ центромъ развитія духа православно-русскаго“; какъ профессоръ богословія, Янковскій, по меньшей мѣрѣ, не могъ относиться пассивно къ этому движенію. Отъ энергическаго, не разъ посѣщавшаго семинарію епископа Сѣмашка мудрено было укрыться какою-нибудь антивоссоединительнымъ тенденціямъ: онъ, какъ это видно даже изъ сочиненія покойнаго Моршкина (см. „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., кн. IV, VI—IX), съ ними не церемонился. Если предположить даже въ Янковскомъ тщательно скрываемую антипатію къ воссоединенію, т. е. политѣйшій разладъ съ самимъ собою, то обстоятельства, при которыхъ началась его вторичная дѣятельность въ Жиговицахъ, ни коимъ образомъ не допускаютъ этого предположенія. Новые родные и сослуживцы Янковскаго, будучи довѣренными лицами епископа Іосифа, имѣли большое вліяніе на молодого профессора. Ректоромъ семинаріи въ 1832 г. былъ зять Янковскаго, Ипполитъ Гомолицій, мужъ сестры его Анны; Антоній Тупальскій, подписавшійся седьмымъ подъ актомъ полоцкаго собора, вскорѣ сдѣлался его другомъ. Фамилія Тупальскихъ была очень обширна; она

состояла въ это время изъ матери, четырехъ братьевъ, пяти сестеръ, одного дяди и множества боковыхъ родственниковъ. Находились ли въ какомъ-нибудь родствѣ съ этой фамиліей виленскіе римско-католическіе прелаты Тупальскіе, изъ которыхъ одинъ недавно окончилъ жизнь свою самымъ печальнымъ образомъ, будучи зарѣзанъ своимъ слугою,—намъ не извѣстно. П. Г. Янковскій, въ письмахъ своихъ къ г. Крашевскому, выражается о Тупальскихъ самымъ сочувственнымъ образомъ, а тещу свою называетъ „свѣтиломъ того семейнаго счастья, такъ рѣдкаго и такъ безпримѣрнаго, что сами ангелы не погнушались бы прійти сюда и отдохнуть“. Кромѣ названныхъ лицъ, въ Жиговицахъ же находился въ это время близкій родственникъ и товарищъ Янковскаго по виленскому университету, профессоръ семинаріи и членъ (а съ 1839 г. вице-предсѣдатель) литовской консисторіи, вышеупомянутый протоіерей Михайлъ Голубовичъ, впоследствии минскій архіепископъ. Всѣ эти родственныя связи и отношенія съ людьми, подвизавшимися при упраздненіи униі, должны были имѣть сильное вліяніе на молодого профессора. Въ санѣ протоіерея застаётъ Янковскаго знаменитый 1839-й годъ, уничтожившій въ западныхъ губерніяхъ Россіи унию, застаётъ въ положеніи, неоспоримо доказывающемъ полное довѣріе къ нему архіепископа Іосифа Сѣмашка и ближайшаго помощника его, епископа Антонія Зубка.

Униа съ началомъ XIX вѣка потеряла свой суровый характеръ и свой рьяный прозелитизмъ, чѣмъ она отличалась еще въ концѣ прошлаго столѣтія, при Екатеринѣ II и даже при Павлѣ. О притѣсненіи православныхъ, о грубомъ насиліи надъ ними, въ эпоху Александра I, тѣмъ болѣе при покойномъ государѣ, конечно, не могло быть и рѣчи; но замѣчательно, чѣмъ крѣпче притягивало къ себѣ государство такъ называемыя „возвращенныя отъ Польши губерніи“, тѣмъ сильнѣе въ этихъ губерніяхъ распространялась колонизація. Въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ трудовъ (С. А. Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 г.) мы говорили, что русская гражданственность при Екатеринѣ II и Павлѣ сдѣлала самая скудная завоеванія не только въ Литвѣ, но и въ Вѣлоруссіи; впоследствии и эти завоеванія почти всѣ были утрачены. Край, нѣкогда вполне русскій,—хотя и особеннаго, не восточнорусскаго типа,—становился неузнаваемъ: онъ совершенно измѣнилъ свой характеръ, полагаясь, терялъ свои національныя черты, даже свои древніе памятники. Все это было, въ среднемъ сословіи, въ духовенствѣ и въ городскомъ населеніи, дѣломъ польской гражданственности и культуры, не встрѣчавшихъ въ краѣ ни малѣйшаго отпора, а въ низшемъ, въ простомъ народѣ,—церковной униі. Высшее сословіе края, дворянство, въ Литвѣ почти сплошь, а въ Вѣлоруссіи частью, давно стало вполне польскимъ, не ополченнымъ, какъ у насъ выражаются, а—поляками. Но ополченный было вполне приложимо къ униатскому духовенству, которое не только въ домашнемъ быту, но и въ письменныхъ сношеніяхъ, даже въ церкви, употребляло польскій языкъ; жены униатскихъ священниковъ, едва ли, не въ большинствѣ, были чистокровными поляками; наконецъ, въ средѣ униатскаго клира было не мало людей не только вполне польскаго происхожденія, но и съ католическими симпатіями. Национальное и исповѣдное безразличіе дошло до того, что въ одной и той же семьѣ одинъ братъ былъ униатскимъ, другой—католическимъ священникомъ; униатскіе и католическіе священники не рѣдко совершали

богослуженіе въ храмахъ обоихъ вѣроисповѣданій безразлично. За исключеніемъ церковно-славянскаго языка, употреблявшагося при уніатскомъ богослуженіи, въ духовенствѣ его почти ничего не оставалось русскаго и даже терялось сознание о русскомъ происхожденіи: говорили о массѣ, а не объ исключеніяхъ и единицахъ. Если высшее уніатское духовенство, съ основанія главной семинаріи при виленскомъ университетѣ, стало получать научное образованіе, т. е. возможность изучать свое прошлое, думать о немъ и до чего-нибудь додуматься, то низшее, сельскіе священники, получали самое жалкое богословское образованіе, несравненно слабѣйшее, чѣмъ въ тогдашнихъ православныхъ семинаріяхъ; во всякомъ случаѣ оно было плохимъ проводникомъ русскаго духа и гражданственности. На простой народъ, крестьянъ, унія производила тоже притупляющее вліяніе, постепенно стиравшее національныя черты его и особенности. И здѣсь, правда, господствовала полиційная вѣротерпимость, столь необходимая для населенія разноплеменнаго и разнообразнаго; но эта вѣротерпимость уже начала переходить въ религиозный индифферентизмъ, который если и былъ для чего-нибудь полезенъ, то никакъ уже не русскимъ интересамъ, письменнымъ и религиознымъ. Христіанская церковь, какъ извѣстно, вездѣ и всегда является первымъ и могучимъ факторомъ гражданственности. Въ восточной Европѣ, гдѣ появилось два государства и гдѣ столкнулись двѣ гражданственности, русская и польская, такими факторами были: церковь православная съ исключительно-русскимъ, и церковь католическая съ исключительно-польскимъ языкомъ. Борьба между ними была тѣмъ упорнѣе, что она велась во имя не однихъ исповѣдныхъ, но и національныхъ интересовъ; поэтому и торжество было двойное, — церковное и политическое, національное. Польское созданіе, компромиссъ между враждующими исповѣданіями, унія въ концѣ концовъ должна была стать носительницею польской гражданственности, чѣмъ она дѣйствительно и становилась, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она дѣлалась мягче; даже самое образованіе уніатскаго духовенства, еслибы оно распространилось во всей его массѣ, не принесло бы пользы русскому дѣлу, такъ какъ въ краѣ, кромѣ польскаго языка, другаго не было. При иныхъ политическихъ условіяхъ, унія, потерявшая свой *raison d'être*, была уже готова слиться съ католичествомъ, исчезнуть; но этого сліянія ни въ какомъ случаѣ, даже при свободѣ совѣсти, не могло допустить государство, не отказавшись отъ своей исторической миссіи. Впрочемъ, государству не могли быть извѣстны такіа пожеланія, о которыхъ поборники ихъ боялись громко заявить, дѣйствуя въ тиши и довольствуясь блестящими результатами своей работы. Въ сожалѣнію, наше правительство, надѣясь на государственную силу, не обращало тогда никакого вниманія на иную силу, — какъ историческое, философское или культурное движеніе, единственно способная и пригодная для борьбы съ поляками; мало того, — наше правительство болѣе чѣмъ подозрительно смотрѣло тогда на подобное движеніе; не будь этого подозрѣнія, славянофильство и украинофильство, эти самые опасные враги польскихъ притязаній, явились бы гораздо ранѣе 40-хъ годовъ, съ своимъ знаменемъ православія и русской народности. Словомъ, въ 20—30 годахъ судьба уніатскаго дѣла была совершенно предоставлена на жертву полякамъ. Громадное большинство тогдашняго уніатскаго духовенства не могло думать о сліяніи съ православіемъ и по той причинѣ, что все польское (языкъ, образованіе, церковь, бытовое отношеніе и т. п.)

было ему ближе, знакомѣе, сподручнѣе. Мысль объ этомъ сліяніи, исторически неизбежномъ, могла явиться только въ умахъ немногихъ, избранныхъ. Она вышла оттуда, откуда, повидимому, менѣе всего можно было ее ожидать, — изъ самой, такъ сказать, лабораторіи польской цивилизаціи, изъ виленскаго университета. Въ нашей литературѣ не разъ было говорено о полонизирующемъ значеніи виленскаго университета, но почти ничего, или очень мало, о значеніи его въ другомъ смыслѣ. Виленскому — университету историческая наука обязана открытіемъ Литвы, Литовской Руси (что у насъ приписывается учебнику Устрялова). При болѣе благоприятныхъ условіяхъ, на почвѣ, воздѣланной университетомъ, могло вполнѣ развиться *de facto* уже появившееся литвофильство, а изъ него со временемъ и бѣлоруссофильство. Если литвофильскіе писатели и принадлежали къ польской литературѣ, если они и не могли стать во враждебное положеніе къ полякамъ, а напротивъ подозрѣвали польскія симпатіи и идеализировали литовско-польскія отношенія, за то, съ другой стороны, они совершенно выдѣлили изъ Польши, какъ самостоятельное цѣлое, Литовскую Россію. Это выдѣленіе, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при существованіи университета въ западномъ краѣ, (конечно, русскаго) повело бы, естественно, къ русскимъ симпатіямъ и привело бы къ образованію бѣлоруссофильства (явившагося, какъ увидимъ, заднимъ числомъ) и къ борьбѣ его съ литвофилами, исходъ которой былъ бы не въ пользу польскихъ притязаній. Во всякомъ случаѣ, литвофильское движеніе не миновало уніатской молодежи, обучавшейся въ главной семинаріи, и вообще университетское образованіе положило на нее свою рѣзкую печать. Къ этой молодежи принадлежали разновременно: Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій, Антоній Зубко, Михаилъ Голубовичъ, Плакидъ Янковскій и др. лица, которымъ Россія обязана упраздненіемъ уніи. Мы еще не имѣемъ не только обстоятельной исторіи „упраздненія“, но не можемъ даже похвастаться вполнѣ удовлетворительными и безпристрастными монографіями; наконецъ, у насъ почти ничего не издано изъ подготовительныхъ матеріаловъ. Обширные записки митрополита Іосифа, нынѣ принадлежащія академіи наукъ, едва ли скоро появятся въ свѣтъ; другіе его современники и сподвижники, если и писали записки, то онѣ до сихъ поръ остаются неизвѣстными русской публикѣ, за исключеніемъ небольшой статьи преосвященнаго Антопія (Зубка), напечатанной въ 1865 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. При теперешнемъ состояніи источниковъ, мы лишены возможности опредѣлить съ точностію: что именно въ дѣлѣ упраздненія уніи принадлежитъ поборникамъ этого акта, ихъ инициативѣ, энергіи, — и что дѣлалось по инициативѣ и желанію самого правительства? Но какъ ни велики были средства и настоянія правительства въ этомъ дѣлѣ, все же заслуга Сѣмашки и его сподвижниковъ остается громадной исторической заслугой. Упраздненіе уніи — это первый жизненный актъ обрусенія нашихъ западныхъ губерній, передъ которымъ стушевываются всѣ позднѣйшіе, за исключеніемъ освобожденія крестьянъ. Оно нанесло великій ударъ польскимъ притязаніямъ, съ которыми по силѣ можно только сравнить отдѣленіе Малороссіи: не даромъ поляки ненавидятъ митрополита Іосифа не менѣе искренно, чѣмъ гетмана Богдана Хмельницкаго. Конечно, между литовскимъ архіепископомъ (митрополитомъ съ 1852 г.) Сѣмашкой, человекомъ непреклонной воли и неутомимой энергіи, и мягкимъ, можно сказать, женственнымъ по натурѣ священникомъ Янковскимъ была большая разница; но, при разли-

чія положенія, способностей, характеровъ и т. п., всё дѣятели упраздненія имѣли и черты, обусловливаемые одинаковостію образованія, школы, изъ которой они вышли и гдѣ сложились ихъ понятія, вкусы, привычки. Возведенные въ высшія степени нашей церковной іерархіи, они рѣзко отличались отъ нашихъ восточныхъ іерарховъ и священнослужителей, прошедшихъ черезъ бурю и духовныя академіи; они ближе стояли къ свѣтскимъ образованнымъ людямъ, хотя, быть можетъ, и въ ущербъ глубины богословской учености. Даже изъ сочиненія Морошкина, не представляющаго послѣдняго слова въ исторіи упраздненія уніи, видно, что архіепископъ Іосифъ не отличался мягкими нервами и что къ разъ задуманной цѣли онъ шелъ твердо, не останавливаясь передъ крѣпкими мѣрами; но, тѣмъ не менѣе, едва ли въ какомъ дѣлѣ наименѣе употреблялось этихъ мѣръ, какъ при упраздненіи уніи. По свидѣтельству современниковъ и по разсказамъ втораго поколѣнія экс-уніатовъ, слышаннымъ нами, архіепископъ проявлялъ даже нѣкоторую деликатность по отношенію къ воссоединеннымъ, щадя ихъ привычки и даже предразсудки. Намъ самимъ, назадъ тому ровно десять лѣтъ, пришлось слышать изъ устъ престарѣлаго митрополита совѣтъ «нисходительнѣе относиться къ чужой жизни и избѣгать помогать» (рѣчь шла о педагогическихъ вопросахъ).

По упраздненіи уніи, Янковскій оставался въ Жировицахъ при прежнихъ своихъ обязанностяхъ профессора семинаріи и члена консисторіи, до 1845 г. Подобно своимъ товарищамъ по «упраздненію», протоіерей Янковскій быстро повышался по службѣ: онъ получилъ золотой наперстный крестъ, ордена св. Анны 3 и 2 степени и званіе вице-президента консисторіи. Останавливаемся на этихъ наградахъ потому, что онѣ несомнѣнно свидѣлствуютъ о расположеніи къ Янковскому архіепископа Іосифа и въ то же самое время показываютъ, что покойный протоіерей не принадлежалъ къ категоріи лицъ, недовольныхъ «упраздненіемъ», что, подписывая актъ «воссоединенія», онъ это дѣлалъ сознательно, свободно, безъ всякаго внѣшняго давленія, не побуждаемый даже семейными обстоятельствами, какъ, напр., «кучею дѣтей» (на что указываютъ нѣкоторые), которыхъ въ ту пору у него еще и быть не могло. Все, что сказать о немъ можно, какъ объ участникѣ въ дѣлѣ и въ актѣ упраздненія,—онъ не былъ дѣятелемъ рьянымъ, энергичнымъ и на окончательный шагъ онъ могъ рѣшиться только послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою. Если это и было такъ, то причина борьбы лежала не на совѣсти Янковскаго, заключалась не въ матеріальныхъ причинахъ, а въ большой свободѣ, какою пользовалось уніатское духовенство сравнительно съ православнымъ. Янковскій былъ польскій писатель, онъ, если не ошибаемся, одинъ изъ всѣхъ его товарищей воспользовался привилегіей, предоставленной воссоединенному духовенству,—онъ не носилъ бороды, ни рясъ до самой смерти, какъ и изображенъ на прилагаемомъ здѣсь портретѣ. Эти два обстоятельства послужили въ послѣдствіи предлогомъ заподозрить покойнаго протоіерея въ неискренности, въ польскихъ симпатіяхъ и въ русскихъ антипатіяхъ; съ польской точки зрѣнія выгодно было разсуждать о «гнетущихъ обстоятельствахъ, бѣдности, кучѣ дѣтей» и т. п. Поляки, какъ извѣстно, до болѣзненности ревниво и романтично относятся ко всему своему, тѣмъ болѣе, когда это «свое» оказывается принадлежащимъ Россіи и русскимъ. Между тѣмъ какъ исторія съ рясой и бородою была гораздо проще и не имѣла въ себѣ ничего протестующаго. Въ началѣ все воссоединенное духовенство (за исключеніемъ архіепископа) было

въ томъ же видѣ, какъ и Янковскій, и только въ послѣдствіи надѣло рясой и отпустило бороды. Не всѣмъ нравился новый костюмъ, не всѣ надѣвали его охотно; но знаменитый виновникъ упраздненія уніи, чтобы расположить нежелающихъ къ перемѣнѣ, придумалъ остроумное средство: въ награду за усердную службу, онъ позволялъ священникамъ носить рясу и бороду! Это обязательное дозволеніе архіепископъ Свямшко не распространилъ на Янковскаго, какъ на одного изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, какъ чловека образованнаго, щадя его привычки и оригинальность, надъ которой онъ только нѣсколько подтрунивалъ. «Передайте Янковскому—говаривалъ митрополитъ—что теперь всѣ носятъ бороду и что даже самъ папа хочетъ отпустить ее».

Перенесеніе литовской семинаріи и консисторіи въ Вильну (въ 1845 г.) заставило и Янковскаго переселиться въ этотъ городъ, куда отправился онъ весьма неохотно, жалея покинуть любимыя имъ Жировицы. Здѣсь въ первый разъ встрѣтился съ нимъ г. Крашевскій, авторъ его некролога. «Мы нашли его—говоритъ г. Крашевскій—такимъ, какимъ и надѣялись найти: чувствительнымъ, сердечнымъ, живымъ, веселымъ, какъ и его письма, только подъ этимъ весельемъ скрывалась какая-то тоска. Такая смѣсь тоски веселости составляетъ характеристическую черту какъ его личности, такъ и его писемъ (они переписывались съ 1841 г.)». Въ Вильнѣ Янковскій пробылъ около 2-хъ лѣтъ, до 1847 года. Привычка къ тихой, уединенной жизни, склонность къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ, сравнительная дороговизна городской жизни, при его небольшихъ средствахъ и громадной семьѣ (въ это время у него было пятеро своихъ и шестеро сиротъ умершей сестры его Гомолицкой), а также слабое по природѣ и разстроенное отъ усиленныхъ занятій здоровье заставили его просить о переводѣ приходскимъ священникомъ и благочиннымъ въ мѣстечко Бѣлавичи, слонимскаго уѣзда, въ имѣніе помѣщика Пусловскаго. Были-ли у него какія служебныя причины къ такому переходу,—не знаемъ; но несомнѣнно одно, что онъ не потѣрялъ благосклонности къ себѣ архіепископа Іосифа и что, живя въ Бѣлавичахъ и находясь въ добрыхъ отношеніяхъ съ семействомъ Пусловскихъ, онъ долго скучалъ по Вильнѣ. «Скучно было мнѣ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ г. Крашевскому,—оставлять Вильну, тѣмъ болѣе что, кромѣ нѣсколькихъ талантовъ, я нашелъ и оставилъ тамъ людей истинно ученыхъ, какихъ только и можно найти у насъ въ одной Вильнѣ». Въ это время Янковскій пользовался уже большою извѣстностью въ польской литературѣ. Въ Бѣлавичахъ онъ прожилъ около 10-ти лѣтъ, до 1858 г. Окончательно разбитое здоровье заставило его проситься на покой въ свои любимыя Жировицы, куда онъ и былъ уволенъ съ пенсією и гдѣ прожилъ 14 лѣтъ, до самой смерти, воспослѣдовавшей 28 февраля 1872 года, въ совершенномъ уединеніи и отчужденіи отъ свѣта, оставленный и забытый тѣми, которые нѣкогда считали его своимъ.

Говорить о значеніи Янковскаго въ польской литературѣ не входитъ въ планъ нашей задачи. Въ варшавской журналистикѣ, на сколько намъ извѣстно, по поводу его смерти было высказано два совершенно противоположныя мнѣнія о его литературной дѣятельности,—сочувственное въ «Варшавской Газетѣ» и въ «Иллюстрированномъ Ежегодникѣ» (въ статьѣ г. Крашевскаго) и несочувственное въ «Литературномъ Ежегодникѣ» (Rocznik Literacki). Несомнѣнно одно, что Янковскій въ 40-хъ и 50-хъ годахъ

принадлежалъ къ числу наиболѣе читаемыхъ польскихъ писателей. Склонность къ литературнымъ занятіямъ Платидъ Гавриловичъ вынесъ изъ вилenskaго университета, гдѣ, въ числѣ его товарищей, находились извѣстные впоследствии польскіе писатели: Игнатій Головинскій (бывшій рим. католическимъ митрополитомъ въ Россіи), гр. Генрихъ Ржевусскій и Михаилъ Грабовскій. Виленскій ученый и литературный кружокъ 40-хъ годовъ имѣлъ на него неоспоримо большое вліяніе. Янковскій началъ писать еще съ 30-хъ годовъ, прозою и стихами; но наибольшая его литературная производительность относится къ 40-мъ и 50-мъ годамъ, т. е. ко времени уже послѣ воссоединенія, къ порѣ его второго пребыванія въ Жировицахъ, Вильнѣ и Бѣлавичахъ, когда онъ уже былъ православнымъ священникомъ. Писалъ онъ очерки, рассказы, повѣсти; но одна беллетристическая производительность его не удовлетворяла. Онъ очень много занимался изученіемъ языковъ, свободно читалъ пофранцузски, понѣмецки, поанглійски и поитальянски и любилъ переводить на языкъ Мицкевича произведенія Шекспира, Гете и Манцони. Читатель увидитъ, что и русскимъ языкомъ Янковскій владѣлъ въ совершенствѣ. Писатель онъ былъ весьма плодovitый: намъ извѣстно, хотя большею частію только по имени, болѣе двадцати его піесъ, довольно крупныхъ. Уединенная и совершенно кабинетная жизнь оставляла ему, кромя авторства и исполненія служебныхъ обязанностей, къ которымъ онъ относился весьма добросовѣстно, еще много досуга, который онъ употреблялъ на чтеніе книгъ, преимущественно философскаго, религіознаго и историческаго содержанія. По свидѣтельству г. Крашевскаго, онъ велъ также обширную переписку съ польскими литераторами и учеными. Эта польская литературная дѣятельность и это дружеское общеніе съ поляками православнаго протоіерея были на виду у всѣхъ и предъ глазами самаго архіепископа Іосифа. Онѣ ни для кого не составляли тайны и ничего не только предосудительнаго, но и страшнаго, по мнѣнію всѣхъ экзекютивовъ, въ себѣ не имѣли и не могли имѣть. Нужно ли доказывать почему, — если мы не забудемъ, что для перваго поколѣнія «возсоединившихся» языкъ польскій былъ почти роднымъ, и если скажемъ, что многочисленныя родственники самого митрополита, разбѣянные въ литовской епархіи, въ своемъ домашнемъ обиходѣ другаго языка не употребляли? Только одинъ онъ, какъ намъ передавали, съ 1839 г., со дня «упраздненія», иначе не объяснялся съ ними, какъ по русски. Можно ли удивляться, что возсоединенные, подобныя Янковскому, люди съ литературными вкусами и стремленіями, вмѣсто того, чтобы пристать къ русской, применили къ польской литературѣ, когда о первой они знали только по слуху, когда въ громадномъ краѣ, составляющемъ Литву и Бѣлоруссію, не было высшаго русскаго учебнаго заведенія, русскаго гасеты, русскаго культуры, и когда русскіе люди, появившіеся въ краѣ съ востока, спѣшили усвоить себѣ польскій языкъ и культуру? Удивляться здѣсь нечему, кромя нашей тогдашней недалекости.

Г. Крашевскій рассказываетъ, что съ 1842 г. Янковскаго очень много и очень долго занимала мысль объ изданіи литовскихъ типовъ, по примѣру выходившихъ тогда

въ Парижѣ „Les Français peints par eux-mêmes“. Г. Крашевскій приглашенъ былъ покойнымъ протоіереемъ къ участию въ этомъ изданіи, которое, полагаемъ, не состоялось по тогдашнимъ цензурнымъ обстоятельствамъ. Большой домоѣдъ, Янковскій, кажется съ цѣлю добыть матеріалы, сдѣлалъ въ томъ же 1842 г., по лѣту, небольшую этнографическую и археологическую экскурсію. Онъ отправился въ Новогрудокъ, минской губерніи, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ развалины замка Миндогва. По статьѣ г. Крашевскаго можно догадываться, что Янковскій былъ большой литвофилъ, — направленіе, вполнѣ объясняемое мѣстомъ его образованія. Если согласиться со взглядомъ польскаго „Литературнаго Ежегодника“, признающаго въ протоіерѣ Янковскомъ писателя теперь уже устарѣвшаго, съ небольшимъ, второстепеннымъ дарованіемъ, то и тогда личность его остается весьма типичной, — какъ литература стараго времени, какъ идеалиста 30—40-хъ годовъ, очутившагося въ санѣ священника. Его мало интересовала дѣйствительная жизнь; его мягкая натура, можетъ быть, изнемогала и утомила подъ тяжестью событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Онъ весь ушелъ въ міръ идеальный, книжный, міръ литературы и науки; онъ буквально бѣжалъ отъ людей и почти цѣлую четверть вѣка прожилъ въ деревенскомъ затворѣ.

(Продолженіе впереди).

НОВАЯ КНИГА:

Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское Братство. Одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія для начальныхъ народныхъ училищъ. Цѣна 20 коп., а съ пересылкою 25 к. (марками) Съ требованіями обращаться въ Вильну, въ Редакцію Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Содержаніе № 2.

ПРАВИТЕЛ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Указы Св. Синода. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначеніе. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Преподаніе архипаст. благословенія. Отъ Св. Духов. Братства. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. А. А. Левшинъ (некрологъ). Рѣчь. П. Г. Янковскій. Объявленіе.

Предыдущій № сданъ на почту 6-го Января.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.